

— Ленинград, 19 декабря 1978 г.

Дорогой Сашок!

— Честно говоря, я подозревал, что ты либо не прочёл одно из моих первых писем на данную тему, либо прочёл их невнимательно. Теперь, после разъяснений, первое отпадает, второе же подозрение, как ни печально, подтверждается. Разумеется, я не буду писать ничего дальше, пока не прояснится вопрос, затронутый в двух моих первых письмах и в последующих комментариях. Пока я могу со своей стороны только цитировать твоё письмо с замечаниями и конкретными вопросами и отвечать на те и другие. Цитаты выделяю другим цветом. Итак, начнём по пунктам. Ты пишешь:

— 1. О "человеке в роли навоза". Буквально роль навоза играют лишь его бранные останки. Ну, а фигурально, роль, которую играет человек, можно сравнить с чем угодно. Подобное сравнение не есть, на мой взгляд, доказательство бессмысленности его жизни.

Ты, конечно, прав. Образ или притча никогда и не претендовали на роль логического доказательства. Я взял просто известное библейское выражение "навоз для Израиля" и применил его здесь в качестве иллюстрации, на мой взгляд, бесспорного положения о том, служение относительной цели абсолютно не может осмыслить частную жизнь. Ведь я же не доказываю и не утверждаю отсутствия относительной осмысленности человеческой жизни. Я, например, хочу стать министром, или дать сыну хорошее воспитание и для этого делаю то-то и то-то. Относительно моя жизнь осмысленна. Но разве при этом я не смею или не могу задаться вопросом: а для чего мне становится министром? А для чего моему сыну такое воспитание? До той поры, пока относительно цели я могу задавать вопрос "для чего?", абсолютного смысла моя жизнь иметь не будет. А ты можешь указать конкретный абсолютный смысл жизни? Если можешь, то укажи мне, и я, если соглашусь, сдамся. Если не можешь, то придётся тебе признать именно отсутствие в эмпирической жизни тебя самого и грядущих поколений абсолютной цели, т.е. признать бессмысленность (по предельно крупному счёту) жизни.

— 2. О рабе и господине. Все мы рабы каких-либо господ и каждый господин раб своего раба. Общественное положение у раба и господина разное, а смысл жизни может быть и один, и, в частности, служение общему абсолютному благу человечества.

— Снова притча, а не доказательство. Предыдущие замечания относятся и сюда. С одной добавкой: разумеется, может быть один относительный смысл у этих двух людей и, забегая далеко вперёд, скажу, - должен быть один абсолютный смысл (иначе, если смысл не один, то он тем самым и не абсолютный). И если у человечества есть общее абсолютное благо, то, разумеется, это благо будет и благом раба и благом хозяина. Но вопрос-то и стоял: есть ли это общее абсолютное благо, а если есть - что это такое? Ты можешь указать на него? Если можешь, то все недоразумения отпадают. Если не можешь, то позволь мне набраться наглости и за несчастного раба сказать, что он тоже не может указать такого общего блага.

— Попутно, забегая далеко вперёд, укажу на то место в Св. Писании Нового Завета, где говорится о том, что раб и хозяин могут иметь один смысл жизни, и где указывается этот конкретный смысл. Это место из Колоссян 3,11. Там говорится, что этот смысл достижим в жизни, "где нет ни Еллина, ни Иудея ... , варвара, Скифа, раба, свободного, но всё и во всём Христос".

— Но оставим это. Это нам пока ещё не ясно и всё туманно. Ведь мы рассматриваем эмпирическую жизнь, расцениваемую с позиций вещной, вульгарной философии.

— 3. Какое же это благо, если я не буду к нему причастен? Что мне до этого общего вечного блага? Я вовсе не думаю, что мечта о всеобщем спасении осуществима человеческими силами, и что когда-то все люди будут счастливы, добры и разумны. Это означало бы конец, а у вечности нет конца. Так что в этом смысле положение живущих, живших и будущих жить более или менее равноправно. Но надежда на то, что они будут всё же счастливее и разумнее и добрее, утешает меня. Будущее моего сына искренне волнует меня гораздо сильнее, чем моё собственное будущее.

Собственно, здесь мне отвечать по существу нечего, т.к. ты со мною согласен о недостижимости "всеобщего блага человечества" в эмпирическом мире эмпирическими силами, а тем самым даёшь себе ответ и по пунктам 1 и 2. Надежды на относительное благополучие грядущих поколений, а тем более любимых нами людей, разумеется, могут придать нашей жизни относительный смысл. Но, не говоря уже о том, что это смысл не абсолютный, сама эта надежда - сколь она зыбка!

Мне не хотелось бы убежать вперёд и говорить о предметах, не входящих в логическую структуру моих первых писем, но ... а как ты представляешь себе, что ты мог бы по существу сделать для того, чтобы кто-то в будущем был счастлив (или счастливее)? Ты можешь дать своему сыну материальную основу для будущего благополучия, ты можешь воспитать его образованным, дать ему начала светских и духовных познаний, при известном усилии даже воспитать в нём некоторые благородные черты характера. Но, вот скажи мне, можешь ли ты сделать так, чтобы девушка, которую он полюбит больше своей жизни, так же сильно полюбила его? Нужны ещё примеры? Дорогой мой, человек - образ и подобие Божие - именно потому человек, т.е. Я, Личность, что никакими внешними усилиями нельзя гарантировать его счастье, разумение и доброту, т.е. благо. Он - человек, свободная личность, а не заводная кукла и не экспериментальная мышь, которым можно предавать те или иные состояния по воле и действию со стороны. "На том стою, и не могу иначе". Я - христианин, а христианство - персоналистическое мировоззрение, мировоззрение свободы, а не заводной необходимости. И в тюрьме можно быть счастливым, и в нищете владеть всеми сокровищами мира, и в царских чертогах и при благороднейшем воспитании можно быть несчастнейшим из смертных.

Но, разумеется, относительную правду твоих слов я признаю, разделяю, и об этом у нас будет речь впереди. Сейчас же нас интересует Спасение, или совершенный смысл. И с меня достаточно того, что ты здесь отрицаешь возможность всеобщего эмпирического спасения эмпирическими силами. Хотя в этом сошлись взгляды. Только тогда становится непонятной нужда в твоих нападках на притчи в п.п. 1 и 2: ведь они как раз (пусть односторонне) и иллюстрировали немислимость всеобщего спасения в этой жизни.

— 4. Ну, а как же всё-таки с моим Я? А с каким Я, о каком Мне идёт речь? Во мне непрерывно рождаются и умирают клетки и мысли. Я не раз замечал, что в сознании моих близких (и даже просто друзей и знакомых) хранится больше обо мне, чем в моём собственном сознании. Я не точно выразился. Не больше, конечно, но то, что я уже забыл, не нахожу в своём сознании. Моё сознание смешивается, растворяется в сознании других людей, и когда-нибудь перестанет существовать изолированно, но останется в сознании человечества (пусть и не помеченное зримо для других моей персональной маркой).

— Я полагал, что понятие "Я" настолько самоочевидное, что не стоит труда останавливаться на нём. Однако, ты уже второй раз пишешь об этом. При этом затрагиваешь персоналистическую гносеологию. Это вопрос необычайно интересный, и как-нибудь на досуге я вышлю тебе свои соображения по этому поводу. В прошлом году я

делал доклад на тему "Полемика францисканцев и доминиканцев в XIII веке". "Отмирание клеток и мыслей" входило в повестку дня моего рассмотрения. Но это после, на досуге. Сейчас мне не хочется уклоняться от темы. Чтобы снять напряжения твоего вопроса, я пока замечу, что моё Я я не отождествляю ни с клетками, ни с мыслями, ни с процессом сознания, а скорее имею в виду ту "персональную марку", которая не будет зрима для иных времён и поколений.

— В элементарной логике понятие "Я" подпадает под класс "индивидуальных понятий", содержание которых не поддаётся логическому определению. Можно, нарушая одно из основных правил определения, лишь сказать: "Я - это то, что не не-Я".

— В элементарной психологии "Я" - это носитель живого самосознания (так, если ты сомневаешься в точности такого указания, когда будешь голоден, спроси "себя", кто голоден. И ты немедленно получишь ответ, который укажет тебе на "Тебя").

— В философии под "Я" принято рассматривать ту константу, которая остаётся неизменной при всех перипетиях твоей эмпирической жизни, то, что позволяет тебе говорить о своём прошлом и будущем, то, что позволяет твоим близким, вспоминая тебя, говорить именно о тебе, а не о дяде Ване, то, что позволяет обществу навешивать на тебя единый паспортный ярлык на всё время твоей эмпирической жизни невзирая на то, что в тебе за 7 лет не осталось ни одной прежней клетки и, возможно, мысли.

— В богословии понятию "Я", личности, ипостаси уделено, как ты может быть догадываешься, огромное внимание. Потребовались нечеловеческие усилия таких отцов Церкви, как святые Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Богослов и ещё многих других, чтобы очистить понятия, свойственные эллинскому образу мысли, разрушить их непроницаемые перегородки, вводя в них начало христианского апофатизма, лёгшее в основу всякой личностной философии свободы. В образе мысли восточных отцов очищенное от аристотелизма богословское понятие ипостаси означает скорее не индивид (атом), а личность, наиболее близкую всем современным философиям. Действительно, наше представление о человеческой личности как о чём-то "личностном", делающем из каждого человеческого индивида существо "уникальное", совершенно ни с чем не сравнимое и к другим индивидуальностям несводимое - дало нам именно христианское богословие. Философия древнего мира знала только человеческие индивиды. Человеческая личность не может быть выражена понятиями. Она ускользает от всякого рационального определения и даже не поддаётся описанию, т.к. все свойства, которыми мы пытались бы её охарактеризовать, можно найти и у других индивидов. "Личное" может восприниматься в жизни только непосредственной интуицией или же передаваться, скажем, каким-нибудь произведением искусства. Когда мы говорим: "Это - Моцарт", или "Это - Рембрандт", то каждый раз "помечаем маркой", оказываемся в той "сфере личного", которой нигде не найти эквивалента.

— Дорогой мой, я, право, не умнее великих философов и отцов Церкви, и никакого оригинального определения "Я" предложить не могу. Я не очень чётко сознаю, что значит "смещение и растворение" моего сознания в сознании других людей. Но я очень чётко (пока я в здравом уме) сознаю себя и никогда не спутаю себя с кем-то другим. Когда Я хочу есть, или Я счастлив, то это не Ты хочешь есть и не Ты счастлив. Когда Я ищу смысла жизни, то это Я его ищу. Я хочу иметь его так же прочно и неотъемлемо от Меня, как прочно и неотъемлемо от Меня моё живое самосознание, моё Я несмотря на все прошлые и будущие перемены в моём эмпирическом составе и в моих преходящих мыслях.

— Моё Я дано мне сейчас, в сию секунду и здесь. Но точно так же оно мне дано было вчера и точно так же оно мне дано будет завтра, хотя завтра у меня вырастет хвост и я забуду о своём вчера.

— Большого я добавить пока не могу за нехваткой времени, да после разъяснений, надеюсь, и за неимением нужды.

___5,6. Так что в вопросе о моей причастности к общему благу мне неясны два момента: достижимо ли само благо и какая именно часть моего Я должна быть к нему причастна.

___Да вот я тоже только и делал в этих письмах, что удивлялся и спрашивал достижимо ли само благо? И вопрос пока остался открытым и (риторически) для меня столь же неясным, сколь и для тебя. Одно мне, как казалось, удалось выяснить, что в эмпирической жизни как таковой благо не только не достижимо, но и просто непредставимо и немислимо. Но ведь логически вопрос ещё этим не исчерпан и оставлен открытым на будущее.

___Если же речь идёт о гипотетическом благе, то ему по его навязчивой абсолютности, Я должен быть причастен, иначе это либо не благо, либо не абсолютное. А поскольку, как выяснилось в п. 4, "Я" не может иметь "частей", то и вопрос отпадает. "Я" должно быть причастно благу (если оно есть) само по себе, в своей цельности, сейчас, сию секунду, а также вчера и завтра невзирая на все возможные изменения моего эмпирического состава, несмотря ни на какие мои мысли, ограниченную память, ограниченное сознание, даже несмотря на полное отсутствие сознания, скажем, во время бреда или обморока.

___Достижимо ли это? - Так ведь в этом и вопрос.

7. Для тебя имеет смысл только вечная жизнь, ты не признаёшь цели, которая в состав твоей жизни не входит. Цель, которая для меня заведомо недостижима, не может быть моей разумной целью - так я понимаю тебя. И я бы принял такую точку зрения, если бы хоть как-то мог представить себе эту вечную личную жизнь. Мне просто трудно оперировать с таким понятием. Возможно, это дефект ума, тут уж ничего не поделаешь.

___А если ты не примешь такую точку зрения, что тогда? Тогда надо признать противоположные:

___1) Цель, которая заведомо недостижима (т.е. ирреальная и иррациональная) может быть моей разумной целью. Но это логический нонсенс. Как может быть несуществующее быть существующим? Это как галлюцинация что ли? Так ведь галлюцинации лечатся. И если ты осознаёшь истинное положение дел, то всё снова станет бессмысленным.

___2) Цель достижима, но она не вечна, т.е. тленна и сама нуждается в оправдании. Тоже не отвечает поставленным условиям.

___Что же остаётся? Если смысл есть, то он вечен, я должен обладать им лично и вечно. Есть ли он? Что значит обладать им вечно, т.е. как быть причастным к нему? Ну, на эти вопросы мы пока и попыток не делали ответить. Естественно, если бы мы могли представить себе эту осмысленную вечную жизнь, то зачем и огород весь было бы городить?

___Мы пришли лишь к некоторому логическому понятию "вечной жизни". Ни о каких представлениях ещё и речи не было, поэтому с представлениями мы ещё и не оперировали. А понятие такое у нас есть, само собой возникло, и кто может запретить с ним оперировать? А если уж нам так трудно оперировать с абстрактными понятиями, то придумаем какую-нибудь условную модель для представления в наглядности. Ну, например, так, как мы поступаем, когда имеем чистое понятие о четырёхмерном отрезке линии. Как ни напрягайся, представить себе ты его не сможешь. Но ведь это не означает, что понятия такого у нас нет. Вот и приходится либо отказаться от представлений, либо строить модель, заменять четырёхмерный отрезок трёхмерным, смотреть на него и делать вид, что это четырёхмерный отрезок.

___Я не думал, что понятие "вечность" сможет вызвать затруднение. На возможность моделирования указывал ещё св. Григорий Богослов в своём знаменитом 38.Слове на Богоявление, хотя и по другому поводу.

___"Итак Божество беспредельно и неудобосозерцаемо. В Нём совершенно постижимо сие одно - Его беспредельность.

..... Разум, рассматривая беспредельное в двух отношениях - в отношении к началу и в отношении к концу (ибо беспредельное простирается далее начала и конца, и не заключается между ними), когда устремляет взор свой в горнюю бездну и не находит на чём остановиться и где положить предел своим представлениям о Боге, тогда беспредельное и неисследимое называет безначальным; а когда, устремившись в дольную бездну, испытывает подобное прежнему, тогда называет Его бессмертным и нетленным; когда же сводит в единство то и другое, тогда именует вечным; ибо вечность не есть ни время, ни часть времени; потому что она неизмерима. Но что для нас время, измеряемое течением солнца, то для вечных вечность, нечто спротяжённое с вечными существами, и как бы некоторое временное движение и расстояние".

— Т.е. 1600 лет назад были предложены способы моделирования, с успехом применяемые ныне в популярных учебниках по теории относительности. А 2300 лет назад была предложена иная модель Платоном. Я имею в виду его "Государство", кн.7-ая, 514. Цитировать долго. У тебя, наверное, есть под рукой. Это в последнем издании 3 т., 1-я часть. Но только зачем нам сейчас все эти образы и представления? У нас есть понятие

$N = \text{const} = 0$, где N - благо, смысл жизни (искомый), а t - эмпирическое время. Такое свойство N мы называем "вечностью". Жизнь, обладающая таким N , называется "вечной жизнью". А есть ли она на самом деле, - в этом-то и весь вопрос.

— Позже на досуге я, может быть, опишу тебе своё понимание этого вопроса. Но сейчас просто некогда, да и не надо уходить в сторону; это заведёт нас в иные дебри, а нам и своих хватает.

— 8. Приблизиться к этому понятию я могу лишь, как уже писал, представив себя частичкой единого вечного организма - человечества. Без него и вне него смысла жизни я не вижу. Моя причастность к человечеству есть и причастность к его цели, его благу.

Со второй частью я целиком и полностью согласен. Вопрос только о том, есть ли цель и благо человечества, которое неизбежно будет и моей целью и благом. Этот вопрос мы шатко-валко и решаем.

Что до предложенной модели в первой части, то она мне представляется неудачной, хотя логического противоречия в ней нет. Действительно, моя вечная жизнь требует вечной жизни человечества (его "организма", если угодно). Но беда в том, что в эмпирии ни у меня, ни у человеческого организма эмпирической вечной жизни нет. Поэтому вечная жизнь человечества в свою очередь сама столь же непредставима, как и моя собственная, и требует сама точно такого же напряжённого моделирования. Лучше уж оставить эти попытки, и пока ограничиться чистыми логическими категориями, а не выдумывать представления и приближения.

— 9. Ты пишешь: "Единственное человеческое "дело" только в том и состоит, чтобы вне всяких частных земных дел искать и найти смысл жизни". Я согласен, что смысл жизни существует вне дел, но "дело" (далее в кавычках) вне дел я представить не могу. То, что "спасение" не есть дело, я понимаю. В общем, эту фразу я не понял.

Может быть моя фраза и излишне мудрёная: надо избегать игры словами. Но смысл её несложен. Если помнишь, вопрос стоял: "Что делать, чтобы жизнь моя была полна совершенного смысла?" Без смысла моя жизнь бессмысленна, так жить я не желаю. Ответ: раз не желаешь, то ищи и найди свой абсолютный смысл. - Но как? Какой камень мне надо ворочать? Какую башню Вавилонскую строить? - Никакой и никакую. Эмпирическое дело как таковое к смыслу тебя не продвинет ни на воробьиный скок. - Но как же искать, ничего не делая? - Но кто тебе сказал, что эмпирическое дело есть единственное реальное

дело? А может быть вне эмпирии есть возможность приложить усилия для поисков? - Но как это, делать вне эмпирии? - Пока не знаю. Поэтому и поставил слово "дело" в кавычки. Не знаю, но логически это единственный выход. Тем более, что "дело" по поиску смысла, если оно увенчается успехом, осмыслит и всякое обычное дело. Так что (в случае успеха) дело может стать (логически не исключено) "делом".

— Ну вот, я обзрел всё твоё письмо, исключая персональное введение и заключение. Как я уже писал, дальше я не пойду, пока не выяснятся все уже затронутые вопросы. Но к ответу я тебя, разумеется, не принуждаю. Когда будет время и желание. Тем более, что я сам сейчас в страшном цейтноте.

— Целую, твой Дима.

Ленинград, 21 декабря 1978 г.

Дорогой Сашок!

— Вообще говоря, когда я в N-ый раз писал об одном и том же, я уже ненавидел самое затею. Когдаходишь в круг (пусть элементарных) философских дефиниций и проблем, то начинаешь понимать и ценить счастье быть не философом, а богословом: настолько этот философский круг узок и душен. И после него и из него вырваться в богословие - всё равно как из затхлого подвала выйти на прогулку в сад.

— Преподавание курса древнегреческой философии (безусловно, самой интересной и красивой из всех философий), с одной стороны, научило меня видеть и ценить её блеск, но, с другой стороны, научило меня понимать её ничтожество. Ничтожество тем более жалостливо выглядящее, чем прекраснее её здание, - например, у Платона. Или у Плотина, где на карту поставлено всё, где в жертву философии принесено всё, что можно, где уже жертвовать нечем и философия, томимая ненасытным голодом, начинает пожирать себя, съедая себя всю без остатка, испаряясь в ничтожестве. Оно и понятно: голод этот удовлетворяется только Откровением Истины, а Откровения-то бедные греки и не ведали. Да и вряд ли были способны воспринять его при их всеразъедающей рациональности. Какое-то исключение - Платон с последователями, но знать не настало тогда ещё их время покаяться.

— "Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное" - один из лейтмотивов Нового Завета. Интересно это слово - "покаяние". Как правило, внецерковные люди понимают его превратно, а потому львиная доля содержания Евангелий для них остаётся совершенно непонятной. Мне не раз приходилось слышать, что "покаяние" - это что-то, ассоциирующееся с раскаянием, с посыпанием пеплом своей главы, с душераздирающими стонами, с треском разрываемой на груди рубахи и с падением ниц в прах. Так приблизительно покаяние выглядит у Толстого в его четвероевангелии и по смыслу так - в художественном творчестве. Конечно, ради проповеди такого покаяния Иоанна Крестителя не стоило называть величайшим из рождённых на земле.

— Слово покаяние - по греч. μετανοια - стоит в одном этимологическом ряду с другими словами, имеющими корень - [νοi]α, и в том же семантическом ряду стоят слова с корнями - [φρεν]. И тот, и другой, и третий корень аналогичны русскому [ум].

— Так, схематически психология определяет: παρα-νοια [паранойя, парания] как функциональное расстройство ума, связанное с нарушением его формально-логической способности.

— σχιζοφρενiα [шизофрения, схизофрения] как расстройство, связанное с нарушением материально-логической способности ума.

— α-νοια - [анойя, ания] - полное безумие, нарушение как формальной так и материальной логики.

σωφροσύνη или σωφρένεια [софросини, софрения] - переводимо как "целомудрие" (кальковый перевод) - напротив, состояние совершенного здоровья и целостной нерасколотости (шизо- (σχίζο) - разложение, расщепление (отсюда схизма - раскол), растление, гниение, порча, смертность; σω - целостность, здоровье, неразлагаемость (латинская параллель sa ⇒ san сан (санитария, санаторий))).

Оттенки значений зависят от префиксов. Μετανοία - [метанойя, метания] благодаря префиксу мета- получает неперебиваемое непосредственно значение "преображения ума", "обращения", "просветления".

Т.о. призыв покаяться означает: "Прочистите ваши мозги и сердце; выкиньте их всякий хлам и вздор; поймите, что вы не свиньи, а люди; ваш ум, составляющий часть вашей природы, а вместе с ним и вся ваша природа способны на большее, чем рыться в корыте чувственных образов и страстей; обратитесь, посмотрите: реален не только макрокосм, но и микрокосм, и именно в нём вы найдёте дорогу Смысла, ведущую в Царство Небесное; Небо не над вами, а в вас самих; оно ближе, чем вы думаете, надо только "покаяться". Обратив свой ум, вам не надо будет прилагать внешних усилий (исполнять букву Закона) для достижения спасения. Царство потоком света Истины хлынет само сквозь протёртые иллюминаторы (благодать Откровения)" и т.п. (Я интерпретирую грубо и несдержанно, но это только ради подчёркивания.) Хотя, разумеется, проповедь Иоанна носила ещё более глубокий и конкретный смысл: Царство было близко не только из внутренней вечности, но и во временной подвижности.

Вообще проблема покаяния, конечно, не столь груба и плоска: это не проблема спиритуализма или какой-нибудь теософии. Это именно христианская проблема. А христианство не знает дуализма плоть - дух, чувственное - вневещественное. И такой дуализм возникает неизбежно там, где речь идёт о падшей человеческой тварности. Истинное покаяние не односторонне, оно обнимает всю природу человека.

"Поворачивается" не только ум, но и весь психофизический состав человека. Но этот окончательный смысл христианства открывается уже после. Вначале же, первичное - творческий волевой акт покаяния, открывающий дорогу вере.

Покаяние, вера - тот логический *primus*, без которого немисливо оправдание (спасение, осмысленность). "Делами Закона не оправдается никакая плоть" - пишет ап. Павел. Речь не идёт, конечно, о делах "беззаконных", но даже делами Откровенного Закона оправдать свою жизнь немисливо.

"Оправдание верою", *sola fide* (только верою) - знаменитый лозунг Лютера, знамя XVI века.

Здесь опять было искушение, подчёркивая одну (пусть важнейшую) сторону, пренебречь другой стороной (так и произошло у последователей Лютера).

Ведь "Вера без дел мертва" - пишет ап. Иаков. Здесь как раз первые наивные попытки нащупать словесное выражение монистической универсальности христианства. Вера может быть только условием спасения, логическим *primus*'ом, оживляющим дела. Сама она - не дело, но "дело", без которого немислимы спасительные дела.

Дела (даже Законные дела, т.е. жертва) без веры тоже мертвы - прах.

И вот вторичное (не по времени, а онтологически вторичное) в покаянии - дела ("плод покаяния, "принесите же плод покаяния"): молитва, милостыня и пост. Без этих дел вера останется пустой фикцией, её попросту значит и не было. Без молитвы, милости (т.е. любви) и без поста немислива духовная жизнь, немисливо развитие человека, без них мыслима только духовная смерть и смертное разложение (как у Августина: "то ли мертвенная жизнь, то ли жизненная смерть"). Но и молитва, и милость, и пост, в свою очередь, без веры - фикция, никчемный процесс, ведущий в смерть и распад.

Так вот этого-то "покаяния" и не знали все эллинские мудрецы. А вне покаяния им не могла (Бог тоже не всё может) открываться Истина. Для верующего человека Богооткровенные истины - не философские проблемы, а духовные реальности, постигаемые верой (разумом в состоянии *μετανοία*), созерцанием очищенного духа.

— Бог - не предмет науки. И богословие радикальнейшим образом отличается от философского мышления. Богослов не ищет Бога, как ищут какой-то предмет, но при условии *μετανοια* Бог Сам овладевает богословом, как может овладеть нами чья-то личность. И именно потому, что Бог первый нашёл его, вышел ему навстречу в Своём откровении, для богослова оказывается возможным искать Бога, как ищем мы всем своим существом, а следовательно, и своим умом чьего-либо присутствия. Бог богословия - это Живой Бог Библии, это, по словам Паскаля, "Бог Авраама, Исаака и Иакова, а не бог философов и учёных". Конечно, это Абсолют, но Абсолют личностный, которому мы говорим "Ты" в молитве.

Эта Абсолютная Личность Бога - факт христианского Откровения. Вне христианства нет ни одной религии (ни все виды политеизма, ни религии индуистской традиции, ни монотеистические авраамические религии Ветхого Завета и ислама), которая с исчерпывающей полнотой, дарующей спасение, открывала бы человеку личного Бога и Его природу, удовлетворяя тем самым природе человека (и его плоти, и его душе, и его уму).

— Пишу рано, в половине седьмого утра. В качестве раскочки и зарядки. Надо кончать и приниматься за свою византологию. Завтра по ней экзамен.

— Всего доброго, целую, твой Дима.

— Как ты, наверное, понял, это не продолжение прежних писем, а некое отступление. Продолжение у меня есть, но я намеренно его не высылаю.

([продолжение следует](#))

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)